

СССР И ГЕРМАНИЯ: 1945-1946 ГГ.**Киреев К. А., Нагорная В. К.***Сибирский федеральный университет, г. Красноярск*

После второй мировой войны СССР и Германия понесли большие человеческие потери и материальные убытки. Для восстановления разрушений нужны были рабочие руки. Однако основные потери были среди мужского населения. Почти вся тяжесть восстановления легла на плечи хрупких женщин. Благодаря им послевоенное общество оказалось удивительно жизнеспособным.

Балансирование на грани голода и собственно голод – одна из самых серьёзных проблем для послевоенного общества. Продовольственные трудности и в Германии, и в Советском Союзе возникли ещё во время войны, система нормированного снабжения давала существенные сбои, заставляя население искать разные формы самообеспечения. В конце войны немецкая система продовольственного снабжения вообще развалилась, и понадобилось время, чтобы союзники в разных зонах оккупации смогли найти свои формы обеспечения населения продовольствием. В 1945–1946 гг. острый продовольственный кризис наблюдался практически во всех городах Германии, независимо от зон оккупации.

В советской зоне нормированная система продовольственного снабжения немецкого населения, прежде всего населения Берлина, начала функционировать уже в мае–июне 1945 г. За образец тогда был взят советский опыт дифференцированного снабжения разных категорий населения. В Берлине, например, существовало пять видов карточек: ежедневная норма по карточке первой группы составила 600 г хлеба и 100 г мяса, по карточке пятой группы – соответственно 300 г и 200 г. Нормы определялись исходя из наличных продовольственных резервов и, хотя берлинцы называли пятую карточку «голодной», их положение не было исключением: в аналогичной ситуации находились жители регионов французской и английской зон оккупации. Немцы, получавшие «голодную карточку» даже не представляли себе, что население России испытывает большие продовольственные трудности. Когда в Германию стали возвращаться первые военнопленные из советских лагерей, они рассказали о своей жизни в России. Многие из них признавались тогда, что там они получали весьма скудный продовольственный паёк, но местные жители находились ещё в более худшем положении и порой вели полуголодное существование.

Одним из многочисленных «белых пятен» более чем семидесятилетней истории советского общества является стихийное бедствие – засуха 1946г., охватившая южные районы страны, и её тяжёлые социально – экономические последствия. Однако трудности, бедственное положение, которое пришлось перенести населению, «цена» преодоления последствий засухи не раскрываются должным образом. Вплоть до 90-х гг. не было даже упоминания о голоде применительно к первым послевоенным годам. Создавалось впечатление, что народу удалось легко, без потерь справиться со стихийным бедствием. Но это было далеко не так. В конце 80-х гг. ряд публицистов, писателей, свидетелей событий того времени показали, что неурожай 1946 года поставил ряд районов Центральной России, Поволжья, а также Украины, Белоруссии, Молдавии на грань катастрофы. По подсчётам специалистов, от голода и связанных с ним болезней в 1946-1947 гг. умерло около миллиона человек, причём в основном сельского населения. Советский Союз, несмотря на продовольственные трудности в стране, оказал большую помощь Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии. Между тем, в Советском Союзе «материально-производственная база колхозов, созданная в годы довоенных пятилеток, почти полностью была разорена – уничтожено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890

МТС; истреблена и вывезена в Германию почти четверть тракторного и комбайнового парка. Сохранившаяся сельхозтехника была предельно изношена; около 11% тракторов МТС не работали».

Сельские районы Германии пострадали от войны значительно меньше, чем города. Поэтому продовольственный кризис 1946 - 1947 гг. в Германии можно считать в целом городской проблемой. Местная оккупационная администрация не имела ни ресурсов, ни возможностей для постоянного поддержания необходимого минимума продовольственного обеспечения населения, поэтому поощряла разные формы самоснабжения. В советской зоне оккупации пытались направить немцев по широко практиковавшемуся в СССР пути организации «рабочих огородов». Но в Берлине дело не пошло: сказался традиционный менталитет немецкого горожанина, столичного жителя, воспитанного на нормах городской, «потребляющей» культуры. Поэтому проблему самообеспечения берлинское население в 1945 г. решало по-своему: нашелся специалист, который открыл курсы о съедобных растениях, которые можно было найти в городских парках и пригородных лесах. Курсы были очень популярны, и, не ограничиваясь теорией, ежедневно 50 – 100 берлинцев отправлялись в леса вместе с профессором собирать крапиву, одуванчики и т.д. Также были созданы консультации для домохозяек. Рецепты, которые выпускались и стоили два пфеннига, расходились молниеносно.

Другой первоочередной проблемой, которая стояла перед послевоенным обществом в обеих странах, были восстановительные работы. В Советском Союзе эта задача, получившая статус государственной программы, была в основном решена к началу 50-х гг. В Германии оккупационные власти поощряли проведение восстановительных работ, руководствуясь главным образом принципом первой необходимости: расчищали улицы и площади, приводили в порядок уцелевшие здания. Новое строительство было почти заморожено. В 1945 г. проблема восстановления современниками чаще всего воспринималась более конкретно, сводясь, в общем, и целом к проблеме дома, за время войны для многих утраченного. Великая бездомность миллионов людей, именуемая войной, надоедает», – писал с фронта Э. Казакевич, подчёркивая, что война «надоедает не опасностью и риском, а именно этой бездомностью своей». Проблема дома в сознании воевавших была шире, чем просто возвращение к прежнему месту жительства. Обретение дома старого или нового стало символом возвращения к мирной жизни, главной психологической установкой первых послевоенных месяцев.

В СССР восстановление разрушенной промышленности шло быстрыми темпами. В 1946 г. наблюдается определённый спад, связанный с конверсией, а с 1947 г. начинается устойчивый подъём. Восстановленные заводы оснащались оборудованием, произведённым на заводах Германии и поставленным в счёт репараций. Всего в западных районах было восстановлено и вновь пущено 3200 предприятий. Начали строиться промышленные гиганты: Калужский турбинный, Минский тракторный, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат и др. Для строительства очень часто использовались заключённые из исправительно-трудовых лагерей, так как не было специалистов и рабочих рук. Ежегодно около 1,2 – 1,4 млн. человек привлекались из деревни на сезонные работы, в частности на лесозаготовки в северных и восточных районах страны.

В послевоенные годы масса людей заполнила город. Они заполняли не только коммунальные квартиры, но и забивали чердаки и подвалы. Это осложняло быт коренных горожан. Были огромные очереди в банях, больницах. Не хватало одежды, обуви и других товаров. В городах нарастала криминогенная обстановка. Город жил в надежде на лучшее завтра.

«Война резко изменила демографическую ситуацию в СССР и Германии, «выбив» наиболее дееспособную часть мужского населения. Через неделю после капитуля-

ции население Берлина, например, составляло 2 мил. человек, из них 70% - женщины, дети и инвалиды». Послевоенное общество было преимущественно женским. Это создавало серьёзные проблемы – не только демографические, но и психологические, перераставшие в проблему личной неустойчивости, женского одиночества. Послевоенная «безотцовщина» и порождаемые ею детская беспризорность и преступность родом из того же источника. И тем не менее, несмотря на все лишения и потери, именно благодаря женскому началу послевоенное общество оказалось удивительно жизнеспособным. Относительно высокий уровень рождаемости в стране, который рос в течение 1946–1949 гг., а затем стабилизировался, позволил в конце концов, если не исправить порождённые войной демографические перекосы, то восполнить демографические потери войны.

В СССР женщины работали в поле, на производстве, стояли в изнурительных очередях за хлебом. Как в СССР, так и в Германии восстановительные работы проводились главным образом женскими руками. Немецких женщин первых послевоенных лет потом так и называли – «женщины руин». Массовое участие немецких женщин в работах вне дома, уход от домашнего очага, который начался ещё в военное время, а после войны стал массовым, не только вывел женщину на авансцену общественной жизни, но и нанёс серьёзный удар по всему прежнему укладу жизни традиционного немецкого общества, замкнутого в кругу семьи. Усиление роли женского фактора в послевоенной жизни, несмотря на все негативные последствия, как это ни парадоксально, одновременно способствовало укреплению жизнеспособности этого общества, ориентируя его на выживание.

Общество, вышедшее из войны, отличается от общества, находящегося в «нормальном состоянии» не только своей демографической структурой, но и социальным составом. Его облик определяют не традиционные категории населения (например, городские и сельские жители, рабочие промышленных предприятий и служащие, молодежь и пенсионеры), а социумы, рожденные военным временем. В этом смысле лицом послевоенного общества был, прежде всего «человек в гимнастерке».

Ежегодный естественный прирост сельского населения в стране в послевоенные годы превосходил соответствующий показатель в городах. При этом городское население увеличилось за 1945 – 1948 гг. на 15 млн. человек, а сельское на 10 млн. человек. Однако значительная часть подрастающего поколения убегала из деревни в город.

Проблемы послевоенной жизни серьёзно обострились из-за усилившейся миграции населения. В Советском Союзе потоки мигрантов распределялись в это время по следующим основным направлениям: из деревни в город, с востока на запад (реэвакуация), с запада на восток (репатриация). В Германии: из городов в сельскую местность, с востока на запад (изгнание немцев с территории, отошедшей к Польше) и из советской зоны оккупации в западные зоны. В городах, в отличие от сельской местности, благодаря существовавшей системе нормированного снабжения прожить было относительно легче, и это стимулировало приток сельских мигрантов. Война подтолкнула процесс урбанизации, но развитие его шло не естественным путём (перераспределение рабочей силы), а имело вынужденный характер, поскольку условия жизни в деревне, особенно российской, в послевоенные годы были гораздо более тяжёлые, чем в пострадавших от войны городах.

На территории Германии военные действия не носили такого разрушительного характера, как в Советском Союзе. От бомбардировок страдали главным образом крупные города, малые города и сельские поселения оказались в более благополучном положении. Поэтому в конце войны и сразу после нее поток беженцев устремился в сельскую местность. Одна только Бавария приняла тогда около 2 мил. мигрантов. В благо-

получных областях отношение к мигрантам было настороженным, а иногда и открыто враждебным, их воспринимали как лишнюю обузу.

Противоречия между «местными» и «пришлыми» сглаживались постепенно, в течение нескольких лет. Со временем местные крестьяне стали воспринимать беженцев как часть своего общества. Послевоенная жизнь существенно повлияла на традиционный сельский мир. Впоследствии этот процесс получил название «революция в деревне».

В Советском обществе проблема беженцев не стояла так остро, как в Германии, но и у неё были свои характерные особенности. Основной поток мигрантов в течение 1945 – 1946 гг. составили репатриированные Управления Уполномоченного СНК СССР по репатриации на 1 февраля 1946 г., в Советский Союз с территории Германии было репатриировано всего 5,2 млн. человек, из них 1,8 млн. бывших военнопленных и 3,4 млн. гражданского населения. Отношение к репатриантам, особенно со стороны местных властей, было скорее негативным и почти всегда подозрительным.

Стремление к изоляции репатриированных, несмотря на официальные заявления о лояльности власти по отношению к этой категории граждан, в реальной политике имело место. Это стремление объяснялось опасениями властей, что люди, побывавшие на Западе, станут для своих соотечественников источником не профильтрованной информации о жизни за пределами СССР.

«Весной сорок пятого люди, и не без основания, считали себя гигантами», – делился своими ощущениями Э. Казакевич. С этим настроением фронтовики вошли в мирную жизнь, оставив, как им тогда казалось, за порогом войны самое страшное и тяжёлое. Война в сознании людей – фронтовиков и тех, кто находился в тылу, принесла переоценку и довоенного периода, до известной степени идеализировав его.

«Жизнь-праздник», «жизнь-сказка» – с помощью этого в массовом сознании моделировалась и особая концепция послевоенной жизни – без противоречий, без напряжения, стимулом развития которой был фактор – надежда. За время войны и в первые послевоенные годы в библиотеках отмечался рост спроса на литературу приключенческого жанра и на сказки. После войны читательскую аудиторию библиотеки приключений пополнили молодые фронтовики, процесс интеллектуального роста которых прервался войной и которые после фронта вернулись к чтению.

Надежда на лучшее и питаемый ею оптимизм задавали ударный ритм началу послевоенной жизни, создавая особую общественную атмосферу.

Сложная ситуация складывалась после войны и в деревне. Если город не так страдал от недостатка рабочих рук, то колхозная деревня помимо материальных лишений испытывала острый недостаток в людях. По сравнению с предвоенным временем понизился и уровень материальной обеспеченности колхозников: если в 1940 г. для распределения по трудодням выделялось в среднем по стране около 20 % зерновых и более 40 % денежных доходов колхозов, то в 1945 г. эти показатели сократились соответственно до 14 % и 19 %. Правительство использовало засуху для применения жёстких мер продразвёрстки, заставляя колхозы и совхозы сдавать государству 52 % урожая. Т. е. больше, чем в годы войны. Точных данных о количестве жертв голода 1946 – 1947 гг. нет, поскольку медицинская статистика тщательно скрывала истинную причину возросшей за это время смертности. Особенно высока была детская смертность. Последствия засухи 1946 г. ограничили объём товарной массы хлеба.

Тяжёлое положение с продовольствием усугубилось из-за проведенного в сентябре 1946 г. повышения пайковых цен, т. е. цен на товары, распределяемые по карточкам. Всего расход хлеба по пайковому снабжению был сокращен на 30 %.

В результате подобных мер были снижены не только возможности гарантированного снабжения людей основными продуктами питания (прежде всего хлебом), но и

возможности приобретения продовольственных товаров на рынке, где цены быстро поползли вверх (особенно на хлеб, картофель, овощи). Возросли масштабы спекуляции хлебом. Наиболее болезненно встретили известие о повышении пайковых цен низкооплачиваемые и многодетные рабочие, женщины, потерявшие мужей на фронте.

Обращает на себя внимание непритязательность желаний людей, требующих всего лишь установления прожиточного минимума и ничего сверх того. Мечты военных лет о том, что после войны «всего будет много», наступит счастливая жизнь, начали довольно быстро приземляться, девальвироваться, а набор благ, входящих в «предел мечтаний», оскудел настолько, что зарплата, дающая возможность прокормить семью, и комната в коммунальной квартире уже считались подарком судьбы.

Война в народном сознании ещё долго будет восприниматься как главное мерило трудностей жизни, а поговорка «только бы не было войны» - служить надёжным оправданием всех лишений послевоенного времени, которым, кроме неё, не было уже никаких разумных объяснений.

Одни видели причину повышения пайковых цен осенью 1946 г. в приближении новой войны, другие считали подобное решение несправедливым по отношению к фронтовикам и их семьям, пережившим тяжёлое время и имевших право на нечто большее, чем полуголодное существование. Поэтому трудности, в том числе и те, что принёс с собой кризис 1946 г., чаще всего, если судить по отзывам, воспринимались как неизбежные и когда-нибудь преодолимые.

Можно определённо утверждать, что политика верхов первых послевоенных лет строилась исключительно на кредите доверия со стороны народа, который после войны был достаточно высок. С одной стороны, использование этого кредита позволило руководству стабилизировать со временем послевоенную ситуацию и в целом обеспечить переход страны от состояния войны к состоянию мира. Но с другой стороны, доверие народа к высшему руководству дало возможность последнему оттянуть решение жизненно важных реформ, а впоследствии фактически заблокировать тенденцию демократического обновления общества.

В этих условиях каждый искал свою стратегию выживания и вживания в новую реальность. В этом отношении и перед русскими, и перед немцами стояли как будто бы одни задачи. Однако решались они по-разному, поскольку исходные условия реализации установки на «жизнь после войны» для них были диаметрально противоположными. Немецкий историк П. Гюттенбергер назвал немецкое общество 1945–1946 гг. «обществом катастрофы». Экономическая разруха, проигранная война, (вторая за тридцать лет) начавшаяся оккупация страны быстро изменяли психологический климат в немецком обществе. Очевидцы тех дней почти единодушно отмечают общую апатию как доминирующую тенденцию в настроениях немецкого населения. Причиной апатии было не только поражение, сказывался и фактор психологической усталости от экстремальности, от перенапряжения последних лет войны. Напротив, в российском массовом сознании события мая 1945 г. однозначно связаны с эйфорией общего праздника, это был пик духовного подъёма всего общества. Между тем психологическая усталость – неизбежное следствие изнурительной войны – явление, с которым пришлось столкнуться и советскому обществу. Война велась на пределе сил, физических и душевных, устремлённость к общей цели мобилизовала последний ресурс человеческих возможностей.

К концу войны среди демобилизованных по состоянию здоровья было 2 млн. инвалидов, большинство из них – люди молодых возрастов. Они нуждались не только в хирургическом или терапевтическом лечении, но и в специальной психологической поддержке. Из войны все вышли победителями, но не все смогли устроиться в послевоенной жизни. Особенно остро проблема адаптации к мирной жизни стояла перед теми,

кто ушёл на войну со школьной скамьи, не успев получить профессии, обрести устойчивый жизненный статус. Их единственной профессией была война, единственным умением – способность держать оружие и воевать. После войны этому поколению всё пришлось начинать заново.

На состоянии здоровья молодых немцев сказалось не только физическое истощение, но и общая депрессия: поражение в войне, падение режима, означавшие одновременно утрату идеалов (независимо от содержания этих идеалов), были причинами тяжёлых психических расстройств.

В послевоенную Германию вернулись и уже почти забытые болезни, так называемые «болезни бедных кварталов» – туберкулёз, чесотка, тиф. Их носителями и распространителями были в основном беженцы и переселенцы. С подобной же «неожиданностью» сразу после окончания войны столкнулись и советские органы здравоохранения.

Война не просто поставила «крест» на пути пуританской морали – она вообще изменила шкалу нравственных ценностей. В советское общество война, например, принесла такое, от чего его, казалось бы, давно отучили: подлинный дух свободы, понимание человеком самоценности собственной личности, способность на риск и инициативу и многое другое, о чём нужен особый разговор.

Вместе с тем война, при всех исключениях и оговорках, это, прежде всего наука ненависти. Человек на войне ожесточается помимо воли, в противнике он видит прежде всего врага и действует в соответствии с императивом «убей его!». После окончания войны ожесточение не исчезло, оно оказалось как бы размытым в обществе, растворённым в нём. Одним из признаков «материализации» этого своеобразного военного наследия стал послевоенный рост преступности. В Германии судебные органы отмечали как типичное явление вспышку насилия и жестокости, причинами которых были неосознанная ненависть, паранойя. В СССР правоохранительные органы в качестве нового явления послевоенного периода отмечали рост «непрофессиональной» преступности.

Война рождала не только ожесточение, но и милосердие, иначе естественные человеческие отношения просто не выдерживали бы уничтожающего противостояния. Ожесточение формирует особую стратегию выживания, но оно не может быть полноценным стимулом к жизни. В воспоминаниях современников о послевоенных годах вместе с рассказом о трудностях и лишениях часто присутствует ностальгическая нота. Ощущение особой духовной атмосферы послевоенных лет присутствует и в воспоминаниях наших соотечественников, причём здесь на первый план выходят явления личностного свойства, изменение в самом человеке. Материальные трудности, физические страдания – и новые явления человеческого духа – одно из самых характерных противоречий послевоенного общества.